

УДК 811.581

**ЭВФЕМИЗМ КАК УНИКАЛЬНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН В РУССКОЙ И
КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ
(на материале тематической группы «Профессии»)**

Э.С. Денисова, М.Б. Халиман

В статье описываются особенности функционирования эвфемизмов в русском и китайском языках. На примере выбранной тематической группы «Профессии» определяются ключевые предпосылки формирования профессиональных эвфемизмов и детерминируются границы основных сфер их употребления. Особый интерес в рамках поставленной проблемы представляет установление универсального и уникального в средствах выражения эвфемии и её тематическом наполнении. Полученные результаты исследования могут быть использованы в межкультурной коммуникации русских и китайских носителей языка для предотвращения или понижения количества конфликтных ситуаций.

Ключевые слова и фразы: когнитивная лингвистика; лингвокультурология; эвфемизация; табуирование; языковая картина мира.

**EUPHEMISM AS A UNIQUE PHENOMENON IN RUSSIAN AND CHINESE
LINGUOCULTURES (on the basis of a thematic group “The jobs”)**

E.S. Denisova, M.B. Khaliman

The paper describes peculiarities of euphemisms in Russian and Chinese languages. On the basis of the chosen thematic group the key preconditions of formation of professional euphemisms are determined and the boundaries of the main areas of their usage are defined. Particular interest of the research is the determination of the universal and the unique in the means of euphemisms' expression and their thematic content. The obtained results can be used in intercultural communication of Russian and Chinese speakers for both prevention and reduction of conflicts.

Keywords and phrases: cognitive linguistics; linguoculture; euphemisation; taboo; linguistic worldimage.

Лингвокультурологический подход к изучению лексики основывается на связи и взаимоотношениях двух позиций – языка и культуры, где для первой принципиально значимым является слово с универсальной в определённом роде для того или иного языка семантической наполняемостью, а для второй, соответственно, слово, приобретающее определённый социокультурный фон. Другими словами, для каждого языка характерен процесс дифференциации лексики на базовую и культурную [Dyep 1975], на котором основывается большинство лингвистических парадигм по когнитивной переработке информации, моделированию языковых концептов, формированию стереотипных ситуаций и т.д.

Однако в каждом языке функционирует такой уникальный феномен, как эвфемизм, который, с одной стороны, отражает уникальные и универсальные характеристики языковой

единицы, а с другой, соотносится со множеством других явлений и, соответственно, имеет универсальные особенности. Одними из таких соотносительных понятий являются криптолалия и семантика умолчания, которые из-за особых свойств функционирования в языке размывают исходный денотат высказывания, что приводит к нарушениям норм речи, описанных в постулатах П. Грайса [Бахтин и др. 2004]. Тем не менее, эвфемизация входит в число коммуникативно оправданных нарушений норм речи, а возникающая неоднозначность служит конечной цели процесса эвфемистической замены.

В лингвистической литературе существует множество интерпретаций данного явления, которые отражают те или иные его функции с учетом прагматического значения в коммуникации. Для достижения наибольшей точности мы определили границы термина следующим образом: эвфемизм – слово или выражение, камуфлирующее суть другого, несоответствующего данной коммуникативной обстановке по тем или иным социально-личностным критериям, на основании интенции придания или поддержания нейтрального социокультурного фона.

Поскольку эвфемизм является единицей не только языка, но и культуры, мотивированной выглядит его взаимосвязь с другим лингвокультурным понятием – табу, существующим еще с древнейших времен. Соотношение табу и эвфемизма обуславливает их взаимосуществование и, следовательно, позволяет выявить множество общих особенностей [Чжан 2012].

Табу – система запретов, возникающая на разных этапах человеческого развития под влиянием факторов определенного рода, которая первоначально применялась, основываясь на мифологических и религиозных предубеждениях, первобытных обычаях, вере в аномальные силы. Со становлением и развитием культуры запреты применяются исходя из социальных факторов, определявших рамки этических норм, моральных ценностей, чувств стыда и вежливости [Реформатский 1996].

Интерес лингвистов вызывает тот факт, что, с одной стороны, табуированные понятия и, соответственно, эвфемизированные единицы языка являются культурными универсалиями [Лич 2001: 46–83], а с другой, – уникалиями, т.к. сравнение тематических групп в разных языках приводит к обнаружению лакуарности в описываемой сфере. Эвфемизмы охватывают практически все тематические группы, которые функционируют в языках, некоторые из них имеют по-прежнему актуальный характер и скорее всего никогда не выйдут из сферы эвфемизации т.к. они прототипичны для природы человека. Так, например,

люди по-прежнему предпочитают номинировать смерть, тяжелые заболевания, выделительные функции организма, отношения между полами косвенными способами.

В основе продуцирования высказывания с эвфемизированным элементом лежит целый комплекс причин. Однако основным мотивом обращения к эвфемизму является интенция говорящего, связанная с моделированием стилистически-нейтрального образа предмета речи.

Необходимо отметить, что эвфемистическое высказывание не всегда будет уместно и в тех или иных случаях и не всегда будет приветствоваться адресатом по причине интерпретационных способностей и в силу уникального мировосприятия у представителей разных этносов. Как отмечают исследователи, один и тот же эвфемизм в разных коммуникативных ситуациях может приобретать пейоративную маркированность [Дегтярева 2015: 18–19].

Таким образом, можно выделить несколько взаимосвязанных этапов номинативной деятельности индивида в процессе эвфемизации:

- 1) предварительная оценка предмета речи с точки зрения допустимости / недопустимости его упоминания;
- 2) подбор номинаций, которые не только помогут скрыть исходный негативный социокультурный фон, но и замаскировать природу самого явления, передаваемого через эвфемизм;
- 3) наличие обоснованности использования эвфемизма в данной коммуникативной обстановке (см. об этом этапе более подробно в работе [Крысин 1994]).

При лингвокультурном сопоставительном анализе эвфемизм отчетливо репрезентирует культурные реалии, закреплённые в когнитивном аппарате носителей языка, и, как следствие, выявляет универсальное и уникальное в двух языковых картинах мира.

Кроме того, актуализация использования политически корректной лексики, которая в западных странах утрачивает периферийное положение и становится самостоятельным центральным пластом в дискурсивном пространстве, обуславливает стержневую позицию устранения дискриминации в межкультурных отношениях по любым признакам. Однако не все эвфемизмы отождествляются с единицами политкорректной лексики, поскольку политкорректность отражает в языке преувеличенное уважение к тем или иным объектам, диктуемое прежде всего политическими факторами.

Культурная лексика по своему характеру является наиболее изменчивой, т.к. то, что для одних реалий или промежутков времени служит объектом эвфемизации, для

предыдущих или последующих может таковым не являться [Сеничкина 2012]. Это подтверждает положение о том, что номинации непрестижных профессий в лексико-тематической группе являются наиболее неустойчивыми к языковым изменениям [Голованова 2008: 178].

Еще одним звеном формирования актуальности профессиональных эвфемизмов для лингвистических исследований является локальное проявление их важности в социальной жизни человека, где они выполняют защитно-психологическую функцию. Общество детерминирует имидж профессий, дифференцируя их на престижные / непрестижные, или, иначе говоря, модные / немодные. Следовательно, формируется адаптивная стратегия, которая преобразует имидж, меняет установленную полярность, изменяет образ [Сааякян 2010]. В итоге основными факторами непрестижности у некоторых профессий являются недостаточно высокая заработная плата и тяжелый физический труд, которые в межкультурной коммуникации связаны с предрассудками и стереотипами. Исходя из этого, можно объяснить феномен иллюзорного повышения статуса и престижа, т.к. эвфемизация стандартной номинации обуславливает новое восприятие профессии за счет ликвидации установленных предрассудков и стереотипов.

Такие языковые замены формируют новый когнитивно-переработанный и закрепленный опыт речевого поведения в ситуациях, когда степень эмоционально-нагрузочного фона в коммуникации близится к конфликтному уровню.

В современных реалиях как России, так и Китая, наблюдается широкий спектр процессов и тенденций касательно вопроса эвфемизации. В недалеком прошлом профессии, связанные с тяжелым физическим трудом (или профессии сферы обслуживания), не имели в социуме негативной оценки, что объяснялось направлением государственной политики и социальной поддержкой. В конце прошлого столетия приоритетными считались гуманитарные специальности, которые вытеснили из сегмента популярной маркированности рабочие профессии и сделали их наиболее подверженными дискриминации. Хотя в России практика применения таких языковых замен установилась сравнительно недавно по сравнению с западными странами, тем не менее, такая тенденция только усиливается, т.к. данные должности являются необходимыми и наиболее устойчивыми к индустриальным изменениям [Шляхтина 2008].

В Китае прослеживается несколько иная ситуация. Поскольку взаимоотношения в социуме и установленная в нем иерархичность положения человека строятся на традиционных устоях, которые для Китая являются фундаментальными по своей природе, то

говорить о тотальном устранении дискриминации не приходится. Так, в сознании китайцев с древнейших времен закреплён целый негласный табель профессий, престиж которых оказывает влияние, например, на сумму выкупа на свадьбе.

Эти данные позволили выделить следующие общие для сравниваемых культур сегменты, в которых на сегодняшний день эвфемизация происходит наиболее интенсивно: сфера обслуживания, сельское хозяйство и промышленность, сфера мелких служащих. Стоит отметить, что в России наблюдается появление тенденции активного вхождения эвфемизмов в сферы образования, охраны порядка и медицины [Меликян и др. 2010]. Однако выводы относительно этого положения неоднозначны: например номинация *учитель* заменяется словом *преподаватель* или *тьютор*, но не имеет широкого резонанса в обществе и встречается относительно редко. Это обусловлено рефлекторным положением данной профессии в когнитивном пространстве индивидуума. Иными словами, предрассудки о тяжёлом труде, сопряжённые с недостаточно высокой заработной платой, частично или полностью нивелируются другим стереотипом – беспрецедентной ролью профессии учителя, подсознательно идентифицируемой социумом с понятием о благородном деле. Для Китая такая ситуация не характерна, поскольку до сих пор должность преподавателя является престижной и высоко оценивается в обществе.

В связи с тем, как было установлено ранее, коэффициент популярности профессии зависит от общественного предпочтения, которое в определённой степени диктуется или определяется фокусом государственной направленности, что во многом объясняет причины размывания границ употребления некоторых номинаций. Существует целый ряд таких слов, семантика которых приобретает диффузный оттенок, т.к. утрачивается денотативная функция. В их число как в русской, так и в китайской лингвокультурах, входят следующие единицы: *менеджер*, *оператор*, *мастер*, *специалист*, *сотрудник* и т.п. Стоит указать, что данные синонимичные ряды могут быть использованы в процессе эвфемизации. Сгенерированные единицы будут относительно свободны касательно образовательных свойств и характерных функциональных параметров, поскольку могут отличаться от официального перечня профессий и специальностей, который условно можно обозначить как терминологическую группу.

В России на сегодняшний день слово *менеджер* утратило изначальную дефиницию (от англ. manage – управлять; сотрудник, управляющий персоналом и ключевыми ресурсами компании) и применяется для обозначения должностей, в функционал которых не входит управленческая опция. Предпосылки данного явления сосредоточены в процессах внедрения

неологизмов и заимствований и их интенсивном использовании, что естественным образом привело к расширению границ использования по принадлежности к тому или иному виду работ, и, как следствие, к приобретению семантической расплывчатости. Таким образом, единица *менеджер* может фигурировать практически во всех номинациях: *продавец* (*менеджер по продажам, сейлзменеджер*), *уборщик* (*клининг-менеджер, менеджер по влажной уборке*), *дворник* (*менеджер по уходу за территорией*), *курьер* (*менеджер отдела доставки*), *грузчик* (*менеджер по отгрузочным работам*), *секретарь* (*офис-менеджер*), *официант* (*менеджер гостевого зала в ресторане*) и т.д. Стоит отметить, что фактическое обозначение профессий некоторых из представленных номинаций может не совпадать с индивидуальным корпоративным регламентом предприятия (*офис-менеджер* может быть как *секретарем*, так и *офисным клерком*; *менеджер гостевого зала* в ресторане может быть как *официантом*, так и *администратором*).

В китайском менталитете представления, связанные с лексемой ‘经理’ (*менеджер*), строго закреплены в соответствии с денотативным определением [Чжан 2010]. В большинстве случаев менеджмент в Китае связан с культурными традициями. Это означает, что в китайском сознании данная профессия сопряжена с понятиями о стабильном общественном положении, динамическом карьерном росте, что в совокупности является представлением об успешной жизни и отражается в неформальной культуре так называемых «белых воротничков».

Следовательно, лексемы ‘销售经理’ (*менеджер по продажам*), ‘市经理’ (*маркетинг-менеджер*), ‘技术经理’ (*начальник технических служб*), ‘公关经理’ (*PR-менеджер*), ‘客户关系经理’ (*менеджер по управлению взаимоотношений с клиентами*), ‘采购经理’ (*менеджер по закупкам*) (здесь и далее перевод выполнен нами) употребляются по отношению к сотрудникам младшего, среднего и высшего звена в офисах, то есть используются в соответствии с первоначальным значением.

Аналогичный контекст имеет и не менее часто встречающаяся единица *оператор*. Поскольку этимология этого слова (от лат. *operātor* – производитель, работающий на том или ином аппарате или устройстве) предполагает работу на определённом оборудовании, то оно должно применяться к соответствующим профессиям преимущественно на предприятиях со специализированным техническим оснащением. В китайском языке это подтверждается функционированием номинаций исключительно денотативного характера: ‘作业者’ (*оператор*), ‘车站作业员’ (*станционный оператор*), ‘操纵技师’ (*техник-оператор*),

‘机器操作员’ (машинный оператор), ‘数字程序控制机床车工’ (токарь-оператор), ‘机上操作’ (бортовой оператор) и т.д. Некоторые из номинаций маскируют негативную семантику слова ‘工人’ (рабочий), которая появляется в таких словах, связанных с заводским производством, как ‘铣工’ (фрезеровщик), ‘钳工’ (слесарь) и других.

В русском языке единица *оператор* перешла из разряда узкоспециализированных лексем в более широкий круг использования и применяется в отношении профессий, функционал которых предусматривает работу как на специализированной технике, так и на другой: *кладовщик* (оператор цеха, оператор склада), *уборщик* (оператор влажной уборки, клининг-оператор), *водитель или курьер* (оператор перевозок), *кассир* (оператор кассового оборудования), *наборщик текста* (оператор ПК), *телефонист* (оператор call-центра, оператор горячей линии) и т.д.

Активно функционируют и динамично развиваются эвфемизмы и в других обозначенных нами профессиональных сферах, ср. номинации домашнего персонала в русском языке: *горничная, ассистент по хозяйству* вместо *домработница*; *няня, гувернантка* вместо *сиделка*; *ландшафтный дизайнер, фитодизайнер* вместо *садовник*; *частный / персональный водитель* вместо *шофер*; *дворецкий, ассистент по ведению домашнего хозяйства* вместо *слуга*. В китайском языке соответствующими названиями будут следующие: ‘家务助理’ (домработница) вместо ‘侍女’, ‘女佣’ (служанка); ‘小阿姨’ (тетенька) вместо ‘保姆’ (няня); ‘园林建筑师’ (ландшафтный архитектор) вместо ‘园丁’ (садовник); ‘男管家’ (дворецкий) вместо ‘仆人’ (слуга).

Для обозначения других сотрудников сферы обслуживания в русском языке служат такие эвфемизмы, как *ассистент, помощник, офис-менеджер* вместо *секретарь*; *ресепшионист* вместо *регистратор*; *портье* вместо *швейцар*; *модельер* вместо *портной, швея*; *модель* вместо *манекеница*; *секьюрити* вместо *охранник, сотрудник ЧОП* и т.д.; в китайском языке используются эвфемизмы ‘接待员’ (ресепшионист / ассистент / портье) вместо ‘行李生’ (швейцар), ‘秘书’ (секретарь), ‘注册员’ (регистратор); ‘服装设计师’ (модельер, художник по костюмам) вместо ‘裁缝’ (портной); ‘时装模特’ (модель) вместо ‘人体模特’ (манекеница); ‘保安人员’ (секьюрити) вместо ‘从卫’ (охранник).

Важно отметить сферы, в которых наиболее четко прослеживаются несовпадения и несоответствия эвфемистических номинаций. В китайском менталитете профессия повара приобретает негативную социальную коннотацию, а наиболее предпочтительней становится

номинация 厨 (*мастер-повар*) вместо 厨子 (*кухарка / повар*) [Чжан 2010], в то время как в русской культуре не принято использовать слова *кулинар* или *мастер-шеф*.

Лакунарность также проявляется и в традиционных видах деятельности, на формирование которых на протяжении всей истории оказывали влияние различного рода факторы. Они обусловили существование одних профессий в отдельно взятой культуре и их полное отсутствие в другой. Например, в Китае профессия ‘茶艺师’ (*дегустатор чая*) имеет широкое распространение, потому что чай для китайцев – одна из ключевых традиционно выращиваемых культур, что не характерно для России. Различия связаны и с конфессиональными особенностями этносов: в китайском языке нет таких лексем, как *могильщик* или *гробовщик*, но есть *мастер по оформлению урн* (骨坛师), что объясняется традицией захоронения. Сюда можно отнести и профессию *банищика*, которая для рядового китайца является экзотическим видом деятельности.

Следует уделить внимание и профессиям, мотив эвфемизации которых определяется параметром легальности и общественного порицания. В русском языке существует огромное количество номинаций для проституции: *ночная бабочка*, *массажистка*, *представительница древнейшей профессии*, *отступившаяся женщина* и др.; как и в китайском – ‘按摩女’ (*массажистка*), ‘洗头妹’ (*помощница по мытью головы*), ‘失足妇女’ (*падшая женщина*) и т.п. В последние годы в Китае наблюдается тенденция перехода слова ‘小姐’ (*мисс*) из обращения (преимущественно к молодой или незамужней женщине) в эвфемизм, означающий женщину легкого поведения и употребляющимся вместо прямой номинации ‘妓女’ (*проститутка*) [Чжан 2010]. Что же касается занятий, сопряженных с преступностью и криминалом, то поскольку официально такие профессии не обозначаются в социуме, что, разумеется, является причиной и следствием существования уголовного законодательства, источником примеров номинаций являются по большей части средства массовой информации. В них фигурируют такие лексемы, как *драгдилер*, *киднеппер*, *киллер*, *аферист* и т.д. Аналогичная ситуация наблюдается и в Китае: наиболее часто встречающимися словами являются ‘人贩子’ или ‘绑架儿童者’ (*киднеппер*); ‘职业杀手’ (*киллер*); ‘舞弊者’ (*аферист*); ‘毒贩’ (*наркодилер*).

Таким образом, проанализированный нами материал показывает наиболее существенные различия в миропонимании носителей русского и китайского языков: разницу в устройстве языковых картин мира и компонентах, их наполняющих. Необходимость знания профессиональных эвфемизмов связана с проявлением тенденции к устранению и

предотвращению конфликтных ситуаций в коммуникации, ликвидации дискриминации и повышению образа профессии в социуме.

Список литературы

Бахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка: учебное пособие. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.

Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля. Формирование. Развитие. Статус в языке. М.: Изд-во «Элпис», 2008. 304 с.

Дегтярёва А.Р. Функциональная типология эвфемизмов современного русского языка: дисс. канд. филол. наук. Кемерово, 2015. 265 с.

Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Восточная литература, 2001. 142 с.

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994. № 1–2. С. 28–49.

Меликян В.Ю., Старук М.М. Эвфемизация наименований малопrestижных профессий в современном русском языке // Сборник материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». Ростов-на-Дону, 2014. С. 129–133.

Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

Сааян Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого обсуждения: автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2010. 23 с.

Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. 120 с.

Чжан Ч. Эвфемизмы в наименованиях профессий в русском и китайском языках // Грани познания: электрон. научно-образовательный журнал. 2010. № 5 (10). URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/246_st.pdf (дата обращения: 27.02.16).

Чжан Ч. Соотношение понятий табу и эвфемизм (на примере русского и китайского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2012. № 6. С. 83–88.

Шляхтина Е.В. Политкорректное наименование малопrestижных профессий (на материале английского и русского языков) // Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович. Москва – Кострома, 2008. С. 560–563.

Dyren Isidore. Linguistic Subgrouping and Lexicostatistics. The Hague, Mouton, 1975. 251 p.

References

Bakhtin N.B., Golovko E.V. Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka: Uchebnoye posobiye [Sociological linguistics and sociology of language: study guide]. Gumanitarnaya akademiya Publ., Publ. house of the European University in St. Petersburg, 2004. 336 p.

Golovanova Ye. I. Kategoriya professional'nogo deyatelya. Formirovaniye. Razvitiye. Status v yazyke [The category of professional worker. Formation. Development. Status in the language]. M.: Elpis Publ., 2008. 304 p.

Degtyarova A.R. Funktsional'naya tipologiya evfemizmov sovremennogo russkogo yazyka [Functional typology of euphemisms in modern Russian language]. Dissertation of PhD in philology., Kemerovo, 2015. 265 p.

Lich E. Kul'tura I kommunikatsiya: Logika vzaimosvyazi simvolov. K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v sotsial'noy antropologii [The logic by which symbols are connected: an introduction to the use of structuralist analysis in social anthropology]. M.: Vostochnaya literature Publ., 2001. 142 p.

Krysin L.P. Evfemizmy v sovremennoy russkoy rechi [Euphemisms in modern Russian speech]. Russian philology. M., Berlin, 1994, № 1–2. Pp. 28–49.

Melikyan V. YU. Evfemizatsiya naimenovaniy maloprestiznykh professiy v sovremennom russkom yazyke [Euphemisation of the names of the professions of little prestige in the modern Russian language]. Sbornik materialov konferentsii “Yazyk i pravo: aktual'nyye problemy vzaimodeystviya” [Sourcebook of the conference “Language and law: actual problems of interaction”]. Rostov-na-Donu, 2014. Pp. 129–133.

Reformatskiy A.A. Vvedeniye v yazykovedeniye. Pod red. V.A. Vinogradova [Introduction to linguistics. Ed. by V. A. Vinogradov]. M.: Aspekt Press Publ., 1996. 536 p.

Saayakyan L.N. Evfemiya kak pragmalingvisticheskaya kategoriya v diskursivnoy praktike nepryamogo rechevogo obsuzhdeniya [The Euphemism as pragmalinguistic category in the discursive practice of indirect speech discussion]. Abstract of dissertation of PhD in philology. M., 2010. 23 p.

Senichkina Ye.P. Evfemizmy russkogo yazyka: ucheb. Posobiye [Euphemisms in Russian language: study guide]. 2-nd Ed., M.: Flinta Publ., 2012. 120 p.

Chzhan CH. Evfemizmy v naimenovaniyakh professiy v russkom i kitayskom yazykakh [Euphemisms in the names of professions in Russian and Chinese languages]. *Grani poznaniya: elektron. nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal*. 2010. № 5 (10). Available at: http://grani.vspu.ru/files/publics/246_st.pdf (accessed 27.02.16).

Chzhan CH. Sootnosheniye ponyatiy tabu i evfemizma (na primere russkogo i kitayskogo yazykov) [The interrelation of the concepts of taboo and euphemism (on the basis of Russian and Chinese Languages)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. “Linguistics”*. 2012. № 6.

Shlyakhtina Ye.V. Politkorrektnoye naimenovaniye maloprestiznykh professiy (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) [Politically correct naming of the professions of little prestige (based on English and Russian languages)]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya yubileyu d.f.n., prof. A.M. Melerovich [International scientific-practical conference dedicated to the anniversary of the PhD, Professor A.M. Melerovich]*. M., Moskva – Kostroma, 2008. Pp. 560–563.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Денисова Эльвира Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики и риторики

*Кемеровский государственный университет
Россия, 650043, Кемерово, ул. Красная, 6
E-mail: elvdenisova@yandex.ru*

Халиман Михаил Борисович, студент факультета филологии и журналистики

*Кемеровский государственный университет
Россия, 650043, Кемерово, ул. Красная, 6
E-mail: mikehaliman95@mail.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Denisova Elvira Stepanovna, candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Stylistics and Rhetoric

*Kemerovo State University
6 Krasnaya Street, Kemerovo 650043 Russia*

E-mail: elvdenisova@yandex.ru

Khaliman Mikhail Borisovich, student at the Department of Philology and Journalism

Kemerovo State University

6 Krasnaya Street, Kemerovo 650043 Russia

E-mail: mikehaliman95@mail.ru